Евгений Крестьянников: Сенат и женщины-юристы[30]

Evgenii Krestiannikov (HSE University, Moscow, Russia): The Senate and women-lawyers

DOI: 10.31857/S2949124X24060223, EDN: RKPSTE

Монография А.Н. Верещагина вносит существенный вклад в изучение эпохи Великих реформ и характерной для неё эмансипации самых разных сторон общественной жизни. В то время идеи свободы и равноправия занимали умы как мужчин, так и женщин. Именно тогда зарождалось отечественное феминистское движение[31], а россиянки стали проявлять большой интерес к правосудию. Во всяком случае, современники отмечали их возраставшее желание судиться, особенно в близких к населению мировых судах[32].

Верещагин пишет об этом совсем немного. Однако стремление женщин попробовать свои силы в адвокатуре заставляло Сенат реагировать. Судебные уставы 1864 г. требовали от присяжных поверенных и их помощников наличия юридического образования, но не оговаривали их пол, поскольку в 1860-е гг. окончить университетский курс (не говоря уже о закрытых лицеях) могли только мужчины[33].

Между тем 25 мая 1874 г. был учреждён институт частных поверенных, отныне мировые съезды, окружные суды и судебные палаты выдавали «свидетельства о праве ходатайствовать по чужим делам», в том числе и лицам без диплома о высшем образовании[34]. Этим попробовала воспользоваться Е.Ф. Козьмина (но не «Кузьмина», как в книге), обучавшаяся в Казани медицине, но увлекавшаяся и юриспруденцией[35]. Её поддержал прокурор Казанского окружного суда А.Ф. Кони, принявший девушку на службу в свою канцелярию[36]. Под его влиянием она, по собственному признанию, «не на шутку принялась подготовлять себя к адвокатской деятельности»[37]. Ей удалось устроиться письмоводителем к мировому судье Н.Б. Бестужеву. Работа, как писала Козьмина Кони, приносила «только гроши, но зато практически знакомила с делом». Понемногу Елизавета Федосьевна заслужила хорошую репутацию, выигрывала дела и не имела отбоя от клиентов. В феврале 1875 г. Нижегородский окружной суд после прохождения необходимых процедур вручил ей свидетельство частного поверенного[38]. Однако министр юстиции гр. К.И. Пален счёл это решение

---

[30] Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

[31] *Iukina I.* First-wave Women's Movement: Result and Factor of Civil Society Formation in Russia // Women and Transformation in Russia / Ed. A. Saarinen, K. Ekonen, V. Uspenskaia. L.; N.Y., 2014. P. 31–43.

[32] *Соколовский Н.* Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки) // Женский вестник. 1867. № 9. С. 64.

[33] Подробнее о допуске россиянок к адвокатскому труду см.: *Krest'iannikov E.A.* Политические сигналы женской адвокатуры в поздней Российской империи // Cahiers du Monde russe. Vol. 64. 2023. № 3–4. P. 619–644.

[34] ПСЗ-II. Т. 49. Отд. I. СПб., 1876. № 53573.

[35] *Свенцицкий В.* Забытая // Женское дело. 1911. № 16. С. 4.

[36] Первая русская женщина-адвокат // Женское дело. 1899. № 9. С. 138–139; Первый женский календарь на 1899 г. / Под ред. П.Н. Ариян. СПб., 1899. С. 138; *Полянский А.* Русская женщина на государственной и общественной службе. М., 1901. С. 235.

[37] ГА РФ, ф. 564, оп. 1, д. 2141, л. 1.

[38] Там же; *Свенцицкий В.* Указ. соч. С. 4–5; Первый женский календарь на 1899 г. С. 138; Первая русская женщина-адвокат. С. 139.

опрометчивым и недопустимым[39]. 6 сентября Козьмина подала жалобу в Сенат, который, встав на сторону женщины, по сути, признал министерское предписание незаконным[40]. Граф обратился к Александру II, и в результате 7 января 1876 г. появился упомянутый Верещагиным закон «О применении к лицам женского пола Правил 25 мая 1874 г. о частных поверенных», запретивший россиянкам заниматься частной адвокатской практикой (с. 374)[41].

Тем не менее впоследствии Сенат вновь принял постановление в пользу стремившейся в адвокатуру женщины. Домашняя учительница В.Л. Кичеева помогала своим «клиентам» в Иркутской и Енисейской губерниях до введения в Сибири Судебных уставов, поскольку дореформенные нормы никак не регулировали такую работу. К примеру, в 1889 г. Енисейский губернский суд запретил защитницам выступать в губернии на уголовных процессах, но допустил их участие в гражданских делах. Однако от Кичеевой в феврале 1893 г. Иркутский губернский суд потребовал прекратить всякую адвокатскую деятельность[42].

Пытаясь восстановить справедливость, она обратилась в Сенат, на заседании которого присутствовала лично. Приведённые ею доводы убедили сенаторов, и те предписали Иркутскому губернскому совету (административному органу с судебными функциями) немедленно рассмотреть жалобу Кичеевой на решение губернского суда[43]. К сожалению, чем это закончилось, неизвестно[44]. Во всяком случае, сибирячка по-прежнему продолжала свою практику. В 1900 г. Иркутский окружной суд приговорил учительницу к 12 годам ссылки в Якутскую обл. за недобросовестно оказанные юридические услуги, но затем судебная палата её оправдала[45]. Примерно в то же время Кичеева вместе с купцом А.М. Пескиным подала иск к Управлению по постройке Забайкальской железной дороги. После неудачи в иркутских судебных инстанциях истцы направили кассационную жалобу в Сенат, но она не принесла желаемого результата[46].

В начале XX в. стали появляться россиянки с аттестатами о высшем юридическом образовании, причём их количество быстро увеличивалось[47]. Поскольку раньше право выступать в роли защитника законодательно ограничивало только отсутствие университетского диплома, они обращались с ходатайствами в советы присяжных поверенных, и те, как правило, принимали их в ряды адвокатов. Первыми прошли этим путём в 1908 г. москвички Я.С. Подгурская,

---

[39] Циркуляр министра юстиции председателям судебных палат, окружных судов и съездов мировых судей (30 апреля 1875 г., № 4953) // Судебный вестник. 1875. 14 мая.

[40] Первый женский календарь на 1899 г. С. 138; *Флейшиц Е.А.* О женской адвокатуре // Право. 1910. 17 января; ГА РФ, ф. 564, оп. 1, д. 2141, л. 1 об.

[41] ПСЗ-II. Т. 51. Отд. I. СПб., 1878. № 55455. Подробнее о попытке Козьминой стать адвокатом см.: *Крестьянников Е.А.* Из истории женской адвокатуры в Российской империи: вокруг случая Е.Ф. Козьминой (1870-е гг.) // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 118–128.

[42] Государственный архив Красноярского края, ф. 42, оп. 1, д. 85, л. 28–29 об.; Судебная хроника // Восточное обозрение (Иркутск). 1893. 7 марта.

[43] *Н.Г.* Разъяснение Сената о праве женщин заниматься адвокатской практикой // Судебная газета. 1893. 5 декабря.

[44] *Павлов-Сильванский Н.* О праве женщин быть адвокатами // Русское богатство. 1905. № 5. С. 20.

[45] Судебная хроника. Дело Мейеровича и Кичеевых // Восточное обозрение. 1900. 22 марта; Иркутская хроника // Там же. 1901. 1 сентября.

[46] РГИА, ф. 1364, оп. 4, д. 1150, л. 1–47 об.

[47] К 1912 г. их было чуть более 50, к 1916 г. – около 400. См.: *Крестьянников Е.А.* Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2(79). С. 69.

М.М. Гиршман и Л.А. Бубнова[48], но уже 20 октября того же года Московская судебная палата предписала местному совету присяжных поверенных отменить постановления относительно их приёма в адвокатуру[49].

Следующий инцидент произошёл в 1909 г. в Санкт-Петербурге, и его скандальный финал освещён в книге Верещагина (с. 543). Е.А. Флейшиц, которую современники знали под именами Гитли, Гита, Гитель, окончила Парижский и Санкт-Петербургский университеты[50] и 20 октября 1909 г. была зачислена столичным советом в помощники присяжного поверенного[51]. 6 ноября ей предстояло выступить на процессе, начинавшемся в Петербургском окружном суде. Председательствовавший Н.Н. Таганцев (сын известного юриста Н.С. Таганцева) предложил товарищу прокурора Г.И. Ненарокомову, представлявшему обвинение, высказать своё мнение о праве женщин вести уголовную защиту, и тот заявил, что в России закон этого не позволяет. Со своей стороны, Флейшиц настаивала на том, что закон разрешает делать всё, что не запрещено[52]. Члены суда, посовещавшись, разрешили женщине защищать обвиняемых, а выведенный из себя обвинитель покинул заседание[53].

Случившееся наделало немало шума. «Если не ошибаемся, – писал В.Д. Набоков, – такой “срыв” судебного заседания прокурором – первый случай за всё время существования нового русского суда»[54]. 13 ноября под давлением министра юстиции И.Г. Щегловитова[55] Соединённое присутствие Первого и кассационных департаментов Сената признало решение Санкт-Петербургского окружного суда о допуске Флейшиц к защите подсудимых неправильным и предписало его отменить на основании ст. 389 Учреждения судебных установлений, согласно которой женщина могла ходатайствовать по делам, лишь будучи матерью, женой и дочерью тяжущегося. Из этого исключения делался вывод, что прочим такое право не предоставлено[56]. Определение 13 ноября 1909 г. закрыло для лиц женского пола доступ к адвокатской профессии. Впредь, если их принимали советы присяжных поверенных, ставившие под сомнение обоснованность сенатского постановления, то прокуроры требовали отмены таких решений, ссылаясь на дело Флейшиц, как это произошло в 1911–1913 гг. в Саратове с И.Г. Пшеничной[57], в Омске – с Л.П. Рушковской[58], а в Казани – с Л.А. Богородицкой, О.А. Вегер и М.А. Илговской.

---

[48] ЦГА Москвы, ф. 1697, оп. 1, д. 42, л. 258 об., 315 об.–316, 368 об.–369, 371 об., 411 об.–412; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 2–6.

[49] РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 7–8.

[50] ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 15, д. 2157, л. 2; Сёстры Флейшиц // Утро России. 1909. 15 ноября.

[51] Отчёт совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате за сорок четвёртый год. СПб., 1910. С. 10–12.

[52] Суд // Россия. 1909. 7 ноября.

[53] См., например: *Энгер К.* Первое выступление женщины-адвоката // Биржевые ведомости. 1909. 7 ноября; *Бецкий К.* Первое выступление женщины-адвоката в Петербурге // Речь. 1909. 7 ноября; Первый дебют женщины-адвоката. (По телефону от нашего петербургского корреспондента) // Русское слово. 1909. 7 ноября; *Фёдорович Н.* Борьба за право // Союз женщин. 1909. № 11. С. 1–2.

[54] *Набоков В.Д.* Может ли женщина вести защиту перед уголовным судом? // Право. 1909. 15 ноября.

[55] *Флейшиц Е.А.* Из прошлого // Советская юстиция. 1958. № 3. С. 28.

[56] Циркулярные распоряжения по Министерству юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 10. С. 45–48.

[57] Исторический очерк деятельности совета присяжных поверенных округа Саратовской судебной палаты в период 1905–1914 гг. Саратов, 1914. С. 125–127.

[58] Государственный исторический архив Омской области, ф. 190, оп. 1, д. 188, л. 37–50.

Причём казанский совет за своё упорство в конце концов даже подвергся дисциплинарному наказанию[59].

Разумеется, это возмущало феминисток. М.И. Покровская, лидер Женской прогрессивной партии, требовавшей допустить россиянок в судьи, адвокаты и присяжные заседатели[60], обвиняла сановников в пристрастности[61]. В 1911 г. Российская лига равноправия женщин разослала депутатам Государственной думы воззвание, в котором сенатский вердикт назывался «одним из самых несправедливых ограничений женских прав»[62]. Впрочем, оспаривали логику сенаторов и юристы.

Верещагин относит определение 13 ноября 1909 г. вместе с другим, касавшимся женщины-адвоката Е.А. Гинзбург, к числу «наиболее сенсационных» (с. 285). Дело Гинзбург развивалось по иному сценарию. В 1909 г. в Киеве, где отсутствовал совет присяжных поверенных, приёмом в адвокатуру занимался окружной суд. После окончания Харьковского университета Лея Гинзбург обратилась в Киевский окружной суд с прошением о зачислении её в помощники присяжного поверенного, но 3 октября получила отказ. Тогда она обратилась в судебную палату, но и та 5 декабря, несмотря на долгие прения, отклонила её прошение (большинством всего в один голос). Не питая особых надежд, юристка обратилась в Сенат[63]. 30 сентября 1910 г. в принятом по её делу сенатском определении говорилось, что женщины «не имеют по закону права на вступление в сословие присяжных поверенных и принятие звания присяжного поверенного и помощника присяжного поверенного», даже если «они окончили курс юридических наук в императорских российских университетах или других высших учебных заведениях или выдержали экзамены в испытательных юридических комиссиях по всем предметам юридического факультета»[64].

Вскользь упоминает Верещагин и про скандал, вызванный решением Соединённого присутствия Сената о возбуждении дисциплинарного производства против некоего мирового судьи (с. 385–386). Соответствующий сенатский указ появился 14 января 1915 г. из-за того, что 18 и 29 мая 1913 г. мировой судья Сущёвского участка Москвы С.А. Зилов разрешил О.Е. Коновицер выступить в роли защитницы кн. А.Н. Барятинской. 7 декабря 1913 г. по предложению прокурора окружного суда общее собрание Московского съезда мировых судей обсудило допущенное «нарушение». Однако Зилов объяснялся убедительно, настаивая на том, что сенатское постановление по делу Флейшиц не распространяется на мировые учреждения, поскольку относится исключительно к окружным судам, и к тому же не было официально опубликовано в надлежащем порядке. Съезд поддержал судью[65], но затем, как писали в журнале «Женское дело», того ожидала «незавидная судьба»[66]. Соединённое присутствие

---

[59] РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 488–509.

[60] Программа Женской прогрессивной партии // Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С. 138.

[61] *Покровская М.И.* Предрассудки в суде // Женский вестник. 1909. № 12. С. 261–263.

[62] Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. СПб., 1912. С. 14.

[63] *Гальперин-Гинзбург Е.А.* Под знаменем права. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 41; РГИА, ф. 1276, оп. 5, д. 115, л. 56–56 об.

[64] Сборник определений Соединённого присутствия Общего собрания Первого и кассационных департаментов (1902–1912 гг.) и Высшего дисциплинарного присутствия (1885–1912 гг.) Правительствующего Сената по надзору за судебными установлениями. СПб., 1913. С. 143–144.

[65] РГИА, ф. 1354, оп. 1, д. 4316, л. 6–9.

[66] Противоречия // Женское дело. 1915. № 7. С. 3.

привлекло Зилова к дисциплинарной ответственности, а съезду сделало «замечание»[67]. По словам П.И. Люблинского, это определение «невольно ошеломило каждого юриста, желавшего применить к нему критерий закона»: замечание выносилось Присутствием в нарушение нормы, позволявшей это делать лишь кассационным департаментам Сената, а к официальному опубликованию постановлений фактически приравнивалось их частное издание[68].

Таким образом, Правительствующий Сенат как минимум пять раз обсуждал возможность адвокатской деятельности женщин, и сначала дважды признал её допустимость, а затем трижды наложил на неё запрет, несмотря на протест юридического сообщества. В 1917 г. Временное правительство решило проблему кардинально: 1 июня оно, не прибегая к помощи сенаторов, открыло россиянкам путь в адвокатуру[69].

Дмитрий Андреев: Судебная власть и вызовы модернизации в пореформенной России

Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): Judicial power and challenges of modernization in post-reform Russia

DOI: 10.31857/S2949124X24060236, EDN: RKJKHE

Очерки А.Н. Верещагина восполняют обширную лакуну в истории государственного управления Российской империи. Столь обстоятельно организация, деятельность и роль кассационных департаментов Правительствующего Сената ещё не рассматривались ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Однако автор, будучи одновременно профессиональным историком и юристом, отнюдь не ограничивает себя решением сугубо академических, научно-исследовательских задач, но стремится «вернуть Кассационному Сенату то внимание общественности, прежде всего юридической, которое он заслужил своей яркой полувековой биографией» (с. 4). Тем самым Верещагин не только указывает на «глубину разрыва, учинённого большевицким (именно так, в экспрессивной бунинской орфографии. – *Д.А.*) режимом, который насильственной рукой отрезал нас от прежней России и её реалий» (с. 2), но и по-своему пытается его преодолеть «хотя бы в области верховного правосудия» (с. 3–4). Собственно, это и является «главной целью» (с. 4) автора книги. Не случайно, несколько модернизируя историческую реальность и терминологию, он именует кассационные департаменты Сената «верховным судом Российской империи» и явно желал бы именно в них видеть «юридического предка» аналогичного ныне действующего института, до сих пор официально отсчитывающего свою историю от «создания Верховного суда ленинско-сталинской РСФСР» в 1923 г. (с. 2).

Впрочем, «по здравом размышлении» Верещагин вынужден «безоговорочно» признать, что «это вполне соответствует исторической правде», поскольку «Верховный суд РФ точно так же не имеет никакого отношения к Кассационному Сенату, как судебная система РФ не имеет отношения к судебным

[67] Указ Правительствующего Сената Московскому мировому съезду о женщинах-адвокатах // Вестник права. 1915. № 10. С. 316–317.

[68] *Люблинский П.И.* Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. 1915. 24 мая.

[69] Вестник Временного правительства. 1917. 13(26) июня.